

Р.Ю. БОЛДЫРЕВ, С.И. НЕВСКИЙ, В. ПЛЮМПЕ (ФРГ)

РЕПАРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ

С частичным открытием в 1990–2000-х годах советских архивов появились новые исследования союзнической политики демонтажа и репараций в послевоенной Германии. Среди пишущих на эту тему немецких авторов отметим работы В. Маусбаха¹, Й. Фиша², Р. Карлша³, Б. Цислы⁴, Й. Лауфера⁵; в России – труды П. Н. Кнышевского⁶ и Р. Ю. Болдырева⁷. Были опубликованы сборники документов, в которых значительное внимание уделено проблеме репараций⁸.

Болдырев Роман Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Невский Сергей Игоревич – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Плюмпе Вернер – доктор, профессор экономической и социальной истории Университета им. И. В. Гёте (Франкфурт-на-Майне, ФРГ).

¹ *Mausbach W.* Zwischen Morgenthau und Marshall. Das wirtschaftspolitische Deutschlandkonzept der USA 1944–1947. Düsseldorf, 1996.

² *Fisch J.* Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 1992.

³ *Karlsch R.* Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/DDR 1945–1953. Berlin, 1993; *Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944–1949: Hintergründe, Ziele und Wirkungen.* Berlin, 2002; *Karlsch R.* Uran für Moskau. Die Wismut – Eine populäre Geschichte. Berlin, 2007.

⁴ *Ciesla B.* Der Spezialistentransfer in die UdSSR und seine Auswirkungen in der SBZ und DDR. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 1993, № 49–50, S. 23–31; *Karlsch R., Ciesla B.* Vom „Karthago-Frieden“ zum Besatzungspragmatismus. Wandlungen der sowjetischen Reparationspolitik und ihre Umsetzung 1945/46. – Erobert oder befreit?: Deutschland im internationalen Kräftefeld und die Sowjetische Besatzungszone (1945/46). München, 1999, S. 71–92; *Ciesla B.* Von der wirtschaftlichen Entwaffnung zur zentralen Wirtschaftsplanung. Zur Wirtschaftspolitik in der SBZ zwischen 1945 und 1949. – Sowjetisierung oder Neutralität? Optionen sowjetischer Besatzungspolitik in Deutschland und Österreich 1945–1955. Göttingen, 2006, S. 417–434.

⁵ *Lauffer J.* Von den Demontagen zur Währungsreform – Besatzungspolitik und Sowjetisierung Ostdeutschlands 1945–1948. – Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1949). Köln, 1999, S. 163–186.

⁶ *Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994.

⁷ *Болдырев Р. Ю.* Малоизвестные формы взимания германских репараций после Второй мировой войны. – С именем Ломоносова. Сб. научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов. Архангельск, 2002; *его же.* Репарации и советская оккупационная политика в Германии: вопрос о приоритетах. – Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965 гг. Архангельск, 2009; *его же.* Германские репарации и холодная война в Арктике, 1945–1949 гг. – Холодная война в Арктике. Архангельск, 2009; *Болдырев Р. Ю., Невский С. И.* Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги. – Экономическая политика, 2014, № 5,6; *Болдырев Р. Ю.* Экономические реформы в Советской оккупационной зоне Германии. – ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика, 2015, № 1.

⁸ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации, т. 1. М., 1996; т. 2. М., 2000; т. 3. М., 2003; т. 4. М., 2012; Советская политика в отношении Германии, 1944–1954. Документы. М., 2011.

Однако недостаточно изучена история формирования института репараций; подробно не исследовался процесс развития концепций репарационной политики «большой тройки» в годы Второй мировой войны, и не подвергнуты анализу попытки выработки общей союзнической репарационной политики в послевоенные годы и причины ее провала. В литературе содержатся противоречивые оценки целей, которыми руководствовались державы-победительницы в отношении Германии, а также экономического значения репарационных выплат⁹.

Авторы статьи ставят целью проследить происхождение института репараций в конце XIX – первой трети XX в., рассмотреть проблему репараций во время Второй мировой войны, рассказать о выработке целей и планов реализации репарационной политики державами «большой тройки» в отношении Германии, изучить процесс разработки единой союзнической репарационной политики в послевоенной Германии и объяснить причины ее срыва.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА РЕПАРАЦИЙ

Контрибуции как обязанность проигравшего возместить военные расходы победителю существуют со времен античности и стали устойчивым компонентом международного военного права. Последний раз в европейской практике они взыскивались Германией с Франции после окончания Франко-прусской войны 1870–1871 гг. По Франкфуртскому мирному договору от 10 мая 1871 г. Франция как проигравшая войну должна была выплатить Германии как победителю 5 млрд франков золотом или иностранными ценными бумагами¹⁰. Однако начиная с Первой мировой войны в международное право вводится существенное изменение: отныне речь шла не о контрибуции, а о возмещении материального ущерба пострадавшим от войны странам и, тем самым, об искуплении вины агрессора. Статьи 227–230 Версальского мирного договора возлагали на кайзера Вильгельма II и германское правительство персональную ответственность за развязывание войны и нарушение международной морали. Из этой ответственности вытекала обязанность Германии возместить нанесенный другим странам ущерб (в соответствии с этим принципом Германия должна была заплатить, даже если бы она победила в войне)¹¹. Зафиксированная в Версальском договоре статья о вине за развязывание войны и вытекающая из нее обязанность компенсации общего (не установленного в точном количественном выражении) ущерба стала переломным моментом в истории международного военного права¹².

Однако при попытке реализовать это положение на практике выявились существенные проблемы. Во-первых, объем денежных выплат и поставок продукции, согласно логике Версаля, зависел от величины причиненного материального и морального ущерба, а не от платежеспособности Германии. Первые расчеты были необоснованно высокими и вызвали протесты германской стороны: первоначальная сумма репараций, предложенная к взысканию с Германии после Первой мировой войны, составляла 226 млрд золотых марок. Однако 5 мая 1921 г. эта сумма была определена в 132 млрд золотых марок; дополнительно было установлено ежегодное изъ-

⁹ *Hardach G.* Der Marshall-Plan. Auslandshilfe und Wiederaufbau in Westdeutschland 1948–1952. München, 1994; *Vatter H.G.* The German Role in the Early Postwar Revival in Germany. A Reappraisal. – The United States and the Integration of Europe. Legacies of the Postwar Era. New York, 1996; *Lindlar L.* Das mißverständene Wirtschaftswunder. Westdeutschland und die westeuropäische Nachkriegsprosperität. Tübingen, 1997; *Plumpe W.* Die Reparationsleistungen Westdeutschlands nach dem Zweiten Weltkrieg. – Die Wirtschaft im geteilten und vereinten Deutschland. Berlin, 1999.

¹⁰ Deutsches Reichsgesetzblatt, Bd. 1871, № 26, S. 223–244.

¹¹ Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. М., 1925, ст. 231; *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Texte von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin, 1963, S. 20.

¹² *Eichhorn B.W.* Reparation als völkerrechtliche Deliktshaftung: rechtliche und praktische Probleme unter besonderer Berücksichtigung Deutschlands (1918–1990). Baden-Baden, 1992, S. 20.

тие 26% стоимости германского экспорта¹³. В результате после эскалации конфликта вокруг репарационного вопроса (Рурский кризис 1923 г.) посредством планов Ч. Дауэса (1924 г.) и О. Юнга (1929–1930 гг.) размер выплат был привязан к немецкой платежеспособности. 6 июля 1931 г. по инициативе президента США Г. Гувера был введен мораторий на выплату всех видов задолженности по международным правительственным займам (включая германские репарации и межсоюзнические военные долги) сроком на один год. Однако сбалансированного решения, которое позволило бы мирно компенсировать военные потери, найти так и не удалось¹⁴. Во-вторых, вызывал вопросы способ взимания репараций странами Антанты: путем трансфертов в иностранной валюте и прямых поставок немецкой продукции. Оба варианта были проблематичными: валюту Германии только предстояло заработать, а прямые безвозмездные поставки могли навредить промышленности стран-получателей. Следовательно, выполнение репарационных обязательств зависело от положительного внешнеторгового баланса Германии, а вместе с тем и от ее доступа к международным рынкам сбыта и капиталов. Относительно устойчивое решение проблемы было найдено в промежутке между 1924 и 1929 гг.: предложенные планами Дауэса и Юнга новые схемы предусматривали широкий приток американского капитала в Германию, а уже затем погашение задолженности по выплате репараций странам-победительницам (в общей сложности в 1919–1933 гг. Веймарская республика получила иностранных кредитов на сумму в 39 млрд марок, при этом в счет репараций было выплачено 21,8 млрд марок, то есть 17,2% установленного объема обязательств)¹⁵. В-третьих, Германия не только постоянно подчеркивала свою неплатежеспособность, но и любыми способами пыталась опротестовать установление в отношении нее репараций, в основе которых лежало моральное осуждение. Даже во время мирового экономического кризиса первоочередной целью рейхсканцлера Г. Брюнинга было документально засвидетельствовать неплатежеспособность Германии, чтобы избавиться от гнета репарационных обязательств¹⁶.

После Второй мировой войны крах Версальской системы послужил уроком союзникам, решавшим судьбу Германии. Если Великобританию и США больше занимала проблема платежеспособности Германии (организация трансфертов и контроль за их осуществлением), то Советский Союз был вынужден учитывать другой опыт репараций 1920-х годов: во-первых, Германия в очередной раз могла бы саботировать денежные выплаты, ссылаясь на трудное экономическое положение; во-вторых, западные союзники, исходя из своих геополитических и финансово-экономических интересов, могли солидаризоваться с немцами, бросив «на произвол судьбы» СССР.

Однако после 1945 г. репарации стали исключительно делом победителей и основывались на принципе полного подчинения побежденного в войне противника. Это отчасти решало проблему контроля, однако оставляло открытым вопрос о форме и размерах германских выплат. После Второй мировой войны главный акцент при возмещении ущерба предполагалось сделать именно на натуральной форме репараций, что предполагало: компенсацию оккупационных расходов, демонтаж промышленного оборудования, конфискацию германского имущества за рубежом, поставки из текуще-

¹³ Henning F.-W. Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1992. Paderborn, 1997, S. 72; Knortz H. Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik: Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der Ersten Deutschen Republik. Göttingen, 2010; Евдокимова Т. В., Невский С. И. Институциональные реформы и экономическая политика кабинетов Веймарской республики в 1919–1924 годы. – Экономическая политика, 2016, № 3.

¹⁴ Aldcroft D. H. Die zwanziger Jahre. Von Versailles zur Wall Street 1919–1929. München, 1978, S. 97–116.

¹⁵ Zieburg G. Weltwirtschaft und Weltpolitik 1922/1924–1931. Zwischen Rekonstruktion und Zusammenbruch. Frankfurt a.M., 1984.

¹⁶ Petzina D. Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit. Wiesbaden, 1977, S. 103.

го производства, использование немецких трудовых ресурсов и передачу интеллектуальной собственности в пользу стран-победительниц¹⁷. Эти вопросы определяли планы и решения союзников в первые послевоенные годы.

ОБСУЖДЕНИЕ СОЮЗНИКАМИ ВОПРОСА РЕПАРАЦИЙ В 1941–1945 гг.

Обсуждение вопроса о репарациях с государств-агрессоров в целом и с Германии в частности началось задолго до того, как союзнические войска вступили на территорию Третьего рейха. С начала войны было ясно, что победившая сторона потребует возмещения своих потерь. Впервые вопрос о репарациях был поднят в сентябре 1941 г. правительством Нидерландов, находившимся в эмиграции. Реакция Советского Союза не заставила себя ждать: 28 сентября 1941 г. И. В. Сталин запросил по вопросу о репарациях посла США в СССР А. Гарримана и британского министра запасов и снабжения У. Бивербрука, находившегося с визитом в Москве, но получил от обоих уклончивый ответ¹⁸. В декабре 1941 г. советский лидер затронул вопрос о репарациях и реституции в разговоре с британским министром иностранных дел А. Иденом. Британский министр высказал мнение, что «после войны Германия должна будет возместить пострадавшим от нее странам (Великобритании, Советскому Союзу, Польше и др.) причиненный вред». При обсуждении вопроса о способах взимания репараций Великобритания и СССР сошлись в том, что денежные выплаты малополезны; Германия должна произвести репарации в натуральной форме, прежде всего поставками станков и оборудования¹⁹.

В ноябре 1942 г. в Великобритании была создана репарационная комиссия под руководством У. Малкина²⁰; 31 августа 1943 г. она подготовила первый официальный документ по этой теме. Автором ключевых идей был экономист Дж. М. Кейнс. По мнению комиссии, сразу после окончания войны с Германии не должны были взиматься слишком высокие репарации. Компенсация причиненного ущерба предусматривалась в трех формах: 1) в виде использования немецкой рабочей силы (с привлечением до 3 млн человек в течение трех лет); 2) за счет демонтажа части промышленного потенциала, прежде всего военного; 3) путем изъятия продукции из текущего производства в течение пяти лет. При этом точный размер германских репарационных обязательств не назывался (во внутренних документах фигурировала цифра в 4 млрд долл. США). Кейнс в декабре 1942 г. определял максимальную сумму возмещения ущерба в 6 млрд долл. США (в ценах 1938 г.), которую Германия должна была выплачивать в течение пяти лет (из них 50–70% в пользу СССР). По истечении этого срока Германия должна была перечислять 10–25% своих доходов от экспорта в качестве «вклада в защиту мира»²¹. Такой вариант устраивал Великобританию, получившую не самые большие разрушения, а следовательно, не имевшую права претендовать на крупные репарации. Таким образом, британцы отдавали предпочтение репарационной политике, которая сохраняла бы существенную часть экономической свободы Германии, необходимой для ее послевоенного восстановления²².

¹⁷ Baar L., Karlsch R., Matschke W. *Kriegsfolgen und Kriegslasten Deutschlands: Zerstörungen, Demontagen und Reparationen*. Berlin, 1993, S. 9.

¹⁸ Karlsch R. *Allein bezahlt?* S. 16.

¹⁹ Запись беседы председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, 16 декабря 1941 г. – СССР и германский вопрос, т. 1, с. 124–135.

²⁰ Kettenacker L. *Krieg zur Friedenssicherung. Die Deutschlandplanung der britischen Regierung während des Zweiten Weltkrieges*. Göttingen, 1989, S. 399.

²¹ Fisch J. *Op. cit.*, S. 42.

²² “Report of the Interdepartmental Committee on Reparations and Economic Security” (the Malkin Report), 31 August 1943. – Bracher D., Jacobsen H.-A. *Dokumente zur Deutschlandpolitik*, Bd. 2. Frankfurt a.M., 1987, S. 172–182; Van Hook J.-C. *Rebuilding Germany. The Creation of the Social Market Economy, 1945–1957*. Cambridge, 2004, p. 24.

Первоначально план Малкина не имел политического веса. Ситуация изменилась лишь во второй половине 1943 г., когда разные государства начали выдвигать требования по репарациям ввиду наметившегося поражения Германии. В августе 1943 г. при народном комиссариате иностранных дел СССР была создана специальная комиссия по репарациям под руководством И. М. Майского, ранее занимавшего пост посла СССР в Великобритании. В записке заместителя наркома иностранных дел Г. Деканозова, посвященной подготовке к Московской конференции министров иностранных дел «большой тройки», высказывалось предположение, что эта конференция будет использована «англо-американцами для прощупывания наших позиций по основным вопросам нашей нынешней и послевоенной внешней политики». В этой связи Деканозов предложил заранее обозначить позицию советской стороны по репарационному вопросу: настаивать на возмещении причиненного Германией ущерба в натуральной форме, т.е. в виде станков, машин, оборудования²³. В октябре 1943 г. через неофициальные каналы Советский Союз заявил о необходимости конфискации немецкой собственности за границей, демонтажа промышленных предприятий и изъятия части производимой в Германии продукции. Академик Е. С. Варга оценил общую сумму ущерба, причиненного войной СССР, от 800 млрд до 1 трлн золотых рублей²⁴. Стало ясно, что целью СССР является максимальный вывоз имущества из побежденных стран в как можно более короткий срок²⁵.

На Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. американцы, как и предполагал Деканозов, сначала поставили на обсуждение вопрос о репарациях и лишь затем перешли к основной теме повестки дня – вопросу о послевоенном устройстве Германии. Этот и другие спорные вопросы решено было передать на рассмотрение специально созданной Европейской консультативной комиссии (ЕКК), уполномоченной заниматься выработкой репарационного плана²⁶. Тот факт, что «большая тройка» делегировала выработку решений по репарационному вопросу ЕКК, отражало недостаточно ясное видение концепции репараций державами «большой тройки». ЕКК было принято решение отказаться от денежных выплат. Вместо этого предлагалось вывезти из Германии фабрично-заводское оборудование, часть торгового флота, а также предоставить германскую рабочую силу для восстановления разрушенных советских городов и сел. Общую сумму репараций договорились установить после окончания войны²⁷.

В США дискуссии по обсуждаемому вопросу велись в Управлении по внешнеэкономической деятельности – «совещательном штабе» при госдепартаменте. Изначально американскими экспертами рассматривались суммы в пределах 10–50 млрд долл. Весной 1944 г. остановились на сумме 37 млрд долл. с постепенной выплатой в течение 12 лет (в качестве альтернативы была предложена возможность выплаты 14 млрд долл., но за более короткий срок). Осенью 1944 г. специалисты Управления по внешнеэкономической деятельности, опираясь на данные о немецких военных расходах в 1938 г., предположили, что Германия в состоянии заплатить более 200 млрд долл. в течение 12–15 лет (после покрытия затрат на оккупацию и финансирования импор-

²³ Записка В. Г. Деканозова «К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел, 3 октября 1943 г.» – СССР и германский вопрос, т. 1, с. 263–269.

²⁴ Варга Е. С. О возмещении ущерба, причиненного гитлеровской Германией Советскому Союзу. М., 1943; Baar L., Karlsch R., Matschke W. Op. cit., S. 11–12; Laufer J. Die Reparationsplanungen im sowjetischen Außenministerium während des Zweiten Weltkrieges. – Wirtschaftliche Folgelasten des Krieges in der SBZ/DDR. Baden-Baden, 1995, S. 22–23.

²⁵ Karlsch R. Allein bezahlt? S. 17.

²⁶ Nübel O. Die amerikanische Reparationspolitik gegenüber Deutschland 1941–1945. Frankfurt a. M., 1980, S. 64; Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М., 1990, с. 27.

²⁷ Проект предложений к Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, октябрь 1945 г. – СССР и германский вопрос, т. 1, с. 320–322.

та), однако это предложение было отвергнуто, как непомерно завышенное²⁸. Часть репараций предполагалось возместить за счет иностранных активов и демонтажа оборудования. Основным объемом обязательств мог быть покрыт за счет изъятий из действующего производства. В Вашингтоне думали о том, чтобы смягчить деструктивные для мировой экономики последствия репараций: германская промышленность должна была работать на послевоенное восстановление Европы²⁹. Другой неназываемой вслух причиной этого решения было стремление не допустить увеличения советского промышленного потенциала за счет немецкого. Поставки готовой продукции в таком случае выглядели предпочтительнее, ведь производство в Германии оставалось бы под межсоюзным (или американским) контролем.

В позиции США изначально было заметно желание увязать проблему репараций с более общим и важным вопросом экономического будущего Германии. Министр финансов и советник президента США Г. Моргентау в сентябре 1944 г. предложил программу полной деиндустриализации и реаграризации Германии: «Германская дорога к миру ведет на ферму»³⁰. Составными частями «плана Моргентау» являлись: передача важнейших промышленных районов Германии другим странам (Саара и левобережья Рейна – Франции, Силезии и Померании – Польше), интернационализация Рура и Кильского канала, раздел Германии на северогерманское и южногерманское государства³¹. Особое внимание уделялось Рурской области – «центру индустриальной мощи Германии», в которой следовало полностью ликвидировать всю промышленность; при этом ее население подлежало переселению в другие регионы³².

План Моргентау первоначально не содержал никакого репарационного регулирования, кроме того, он категорически исключал поставки с действующих предприятий. В целом этот план противоречил репарационному решению: он существенно сужал возможности Германии к обширным компенсационным выплатам. Хотя заложенный в основу плана всеобъемлющий демонтаж оборудования можно было бы рассматривать в качестве одного из элементов репараций, это не являлось непосредственной задачей плана, так как он не учитывал репарационную стоимость демонтажа. План Моргентау был выражением стратегии, нацеленной на построение открытой, многосторонней системы мировой экономики, где центральное место занимали США, а их успех зависел от ликвидации военного потенциала Германии. Эта цель не вызывала сомнений, неясным оставался вопрос о методах ее реализации: следует ли добиваться успешного построения либеральной модели мировой экономики посредством конструктивного взаимодействия, или же путем экономического сдерживания бывших военных противников?³³ Репарации стали побочным продуктом американской политики, которая тактически была ориентирована сначала на обеспечение безопасности от военного противника и тем самым на его ослабление и разорение, а затем вновь на его усиление и восстановление. Со временем такие меры неминуемо вели бы к осложнению отношений США со странами антигитлеровской коалиции, которые были заинтересованы в получении германских репараций. Это были государства, напрямую пострадавшие от войны³⁴.

²⁸ *Backer J.H.* Die Entscheidung zur Teilung Deutschlands. Amerikas Deutschlandpolitik 1943–1948. München, 1981. S. 33.

²⁹ *Karlsch R.* Allein bezahlt? S. 18.

³⁰ *Henning F.-W.* Op. cit., S. 188.

³¹ *Невский С.И.* Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949. М., 2008, с. 111.

³² *Mausbach W.* Op. cit., S. 60–61.

³³ *Barber W.J.* Presuppositions, Realities, and Creative Ad Hocery: The Road to the Unplanned Plan. – The United States and the Integration of Europe. Legacies of the Postwar Era. New York, 1996, p. 125–143; *Daniel U.* Dollardiplomatie in Europa. Marshallplan, kalter Krieg und US-Außenwirtschaftspolitik. Düsseldorf, 1982.

³⁴ *Fisch J.* Op. cit., S. 49–50.

На Квебекской конференции в сентябре 1944 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль был вынужден пойти навстречу США и поддержать «план Morgenthau», хотя первоначально был категорически против, опасаясь крайне негативных для его страны последствий в случае «индустриального разоружения» Германии³⁵. После смены правительства в Лондоне в июле 1945 г. в британской позиции мало что изменилось: новый премьер от лейбористов К. Эттли предложил провести в Германии аграрную реформу и национализировать основные отрасли промышленности, а министр иностранных дел Э. Бевин поддержал идею «пасторализации» Германии. Впрочем, при видимом сходстве позиций с США, у англичан имелись собственные интересы в отношении континентального соседа, нацеленные на ослабление Германии как основного промышленного конкурента, захват руководства крупнейшими предприятиями тяжелой индустрии, прежде всего в Рейнской и Рурской областях, и их интеграцию в британские концерны³⁶.

Составленная в апреле 1945 г. директива Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США³⁷ по своему содержанию отражала основные положения доктрины Morgenthau и допускала применение вооруженных сил союзников для выполнения решений по уничтожению военного потенциала Германии. В ходе реализации программы репараций планировалось сохранить жизненный уровень в Германии, не превышающий уровня соседних государств Объединенных наций, то есть более низкий, чем довоенный³⁸. Принятый в марте 1946 г. первый промышленный план Союзного контрольного совета³⁹, предусматривавший сокращение немецкого индустриального потенциала до 50–55% от уровня 1938 г., а также проведение демонтажа около 1800 предприятий, еще был пропитан «деструктивным духом», нацеленным на долговременное ослабление военного противника. Преодолеть этот дух удалось из-за начавшейся в 1946 г. «холодной войны». С точки зрения репарационной политики этот план играл центральную роль, поскольку изначально США рассматривали репарации, в которых они сами не были особенно заинтересованы, в качестве тактического элемента их всеобъемлющей стратегии послевоенного восстановления Европы. План свидетельствовал, что поставки из текущего германского производства вряд ли нужны Вашингтону.

Советское правительство, вплоть до выхода Красной армии на западные границы СССР, не уделяло должного внимания вопросам послевоенной германской экономики и репараций. В переговорах с союзниками СССР исходил из общих принципов демилитаризации Германии как военного противника. Только в конце июля 1944 г. заместитель наркома иностранных дел СССР И. М. Майский, возглавлявший советскую репарационную комиссию, написал соответствующую записку В. М. Молотову. В ней содержалась развернутая характеристика советской репарационной программы, в ходе реализации которой предлагалось не только «помочь в возможно кратчайший срок восстановлению СССР», но и «свести к крайнему минимуму военный потенциал Германии». Ввиду явного дисбаланса между ущербом, причиненным войной СССР (Майский оценивал его в 140 млрд долл. США), и платежеспособностью Германии (послевоенное национальное богатство которой, по его подсчетам, могло составлять

³⁵ Churchill W. Der Zweite Weltkrieg. Bd. VI. Triumph und Tragödie. Buch I: Dem Sieg entgegen. Bern, 1954, S. 192; Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999, S. 23.

³⁶ Отчет о работе СВАГ за III квартал 1947 г. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 7317, оп. 7, д. 62, л. 30; Висков С. И., Кульбакин В. Д. Указ. соч., с. 259.

³⁷ Невский С. И. Экономическая политика союзников в послевоенной Западной Германии (1945–1947 годы). – Экономическая политика, 2015, № 6, с. 65–66.

³⁸ Deutsche Geschichte 1945–1961. Darstellung und Dokumente in zwei Bänden, Bd. 1. Stuttgart, 1983, S. 47–48.

³⁹ Полное название: «План по репарациям и послевоенному состоянию германской экономики в соответствии с постановлениями Берлинской конференции» – Karlsch R. Allein bezahlt? S. 261.

80–85 млрд долларов), предполагалось двукратно снизить уровень жизни в Германии, а оставшиеся материальные ресурсы направить в репарационный фонд для покрытия ущерба. В частности, предусматривались единовременные изъятия в натуральной форме в размере 17 млрд долл. США, а также ежегодные поставки продукции на общую сумму в 6 млрд долл. (в течение 10 лет); еще 35–40 млрд долл. предполагалось возместить за счет эксплуатации немецких трудовых ресурсов (5 млн человек)⁴⁰.

В декабре 1944 г. с учетом результатов деятельности межсоюзнической комиссии по репарациям Майский скорректировал сумму возможных компенсаций до 13 млрд долл. США (которую предполагалось возмещать путем единовременных изъятий оборудования, транспорта и сельскохозяйственной продукции), что, по его расчетам, составило бы около 14% национального богатства Германии на конец 1944 г. Кроме того, Германия должна была выплачивать в виде ежегодных поставок готовой продукции еще 10 млрд долл. США в течение 10 лет. Таким образом, общая сумма репараций устанавливалась в размере 23 млрд долл. США, из которых 50–80% (то есть 11,5–18,5 млрд долл.) должен был получить Советский Союз. Минимальная сумма компенсации для СССР, на которую следовало бы согласиться в переговорах с союзниками, должна была составлять 10 млрд долл. США (что соответствовало 2,5 годовым бюджетам довоенной Великобритании или 1,4 бюджета США). В предложенном Майским проекте указывались конкретные цифры по отраслям немецкой промышленности (в среднем 50–70% имевшихся мощностей), а также номенклатура товаров (стройматериалов, сахара, угля, металлоизделий, текстиля, скота, птицы), предполагавшихся к изъятию в счет репараций⁴¹. Примечательно, что, по признанию Майского, все приводимые цифры носили крайне приблизительный характер, они практически не учитывали износ оборудования в ходе войны, а также степень разрушения немецких предприятий и транспорта в результате бомбардировок союзнической авиацией. Еще одним противоречием в переговорах с союзниками могло стать то обстоятельство, что, как отмечал Майский, «цифра наших потерь... пересчитана по официальному курсу 5 рублей 30 копеек за доллар. В результате получились явно преувеличенные цифры нашего ущерба»⁴².

В конце января 1945 г. Майский представил Молотову окончательный вариант позиции СССР к предстоящим переговорам по репарациям с союзниками в Ялте: 1) единовременные изъятия промышленного оборудования и транспорта (до 75% в тяжелой промышленности) в течение двух лет после капитуляции Германии; 2) поставки готовой продукции в течение 10 лет; 3) использование германского труда в пострадавших от войны странах на протяжении 10 лет «в таком количестве, какое они сочтут желательным получить». Советский Союз претендовал на получение 75–80% всего оборудования, 75% ежегодных поставок и 5 млн немецких рабочих. Впрочем, Майский считал эти требования максимальными и рассчитывал по результатам переговоров получить хотя бы 65% от указанного объема репараций⁴³.

Советская сторона настаивала на натуральной форме компенсаций по нескольким причинам. Во-первых, Германия не обладала валютными резервами, а потому не могла выплачивать крупных денежных сумм: с 1938 г. страна имела отрицательное сальдо внешнеторгового баланса⁴⁴. Во-вторых, выделение денежных средств для уплаты ре-

⁴⁰ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову, 28 июля 1944 г. – СССР и германский вопрос, т. 1, с. 506–516.

⁴¹ Там же, с. 576–589.

⁴² Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майского председателю Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину. – Там же, с. 591–595.

⁴³ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову, конец января 1945 г. – Там же, с. 601–605.

⁴⁴ Bevölkerung und Wirtschaft 1872–1972. Stuttgart, 1973, S. 191.

параций затормозило бы процесс восстановления германской экономики, могло бы привести к всплеску инфляции и прочим негативным проявлениям (как это было после Первой мировой войны). В-третьих, репарации в денежной форме подразумевали переводы платежей посредством банковских транзакций, а значит, поддавались бы прозрачному учету со стороны контрольных органов союзников. Натуральная форма репараций затрудняла бы такой контроль, так как итоговая сумма зависела от оценочной стоимости, которую установили бы советские инстанции. В этом случае можно было бы вывезти больший объем репараций, чем планировалось союзниками.

ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАНОВ РЕПАРАЦИЙ НА ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. Советский Союз впервые представил план, в соответствии с которым Германия должна была выплатить 20 млрд долл. США (в ценах 1938 г.), из которых 10 млрд должен был получить СССР, по 4 млрд – США и Великобритания и 2 млрд – остальные союзники «большой тройки». Половину суммы предлагалось компенсировать за счет демонтажа промышленного оборудования и конфискации зарубежного имущества Германии (в течение 2 лет), а другую половину – путем изъятий из текущего производства и использования немецкой рабочей силы (на протяжении 10 лет). Кроме того, советская сторона настаивала на полной ликвидации германской военной промышленности и сокращении до 20% всех мощностей тяжелой индустрии. В целом советские условия репараций не выглядели завышенными, особенно на фоне американских планов от осени 1944 г., и были вполне сопоставимы с британскими расчетами. Советские требования увеличения объемов демонтажа были продиктованы необходимостью обеспечения безопасности СССР, а также предусматривали возможность отказа западных союзников от поставок из своего текущего производства. Американская делегация отреагировала сдержанно, но не категорически отрицательно, тогда как британцы сочли советские требования слишком высокими. Для Лондона первостепенную важность представляли не репарации, а вопросы, связанные с покрытием немецкого довоенного долга, возвращением британского имущества и бесперебойным финансированием импорта. В итоге, советское предложение не нашло поддержки союзников. Объемы репараций, как и принципы их распределения между пострадавшими странами, остались неутвержденными. Вместо этого было заявлено о намерении создать Межсоюзническую комиссию по репарациям, которая должна будет установить точную сумму выплат.

Компромиссное решение по результатам Крымской конференции заключалось в том, что, как было заявлено лидерами «большой тройки», немцы должны компенсировать причиненный ими материальный ущерб «в максимально возможной мере». Решено было взимать репарации в трех формах: 1) единовременное изъятие из национальной собственности Германии, как на ее территории, так и за ее пределами (демонтаж промышленных предприятий и оборудования, конфискация транспортных средств, зарубежных активов и проч.) в течение двух лет после капитуляции; 2) ежегодные поставки товаров и сырья; 3) использование труда немецких рабочих. Сроки действия по второму и третьему пунктам установлены не были⁴⁵. Неопределенные сроки и размеры репарационных выплат создавали широкое поле для злоупотреблений: оккупация территории Германии уже началась, в руки союзников попадало немецкое имущество и тысячи военнопленных, а вопрос об их использовании решен еще не был.

В США ялтинские компромиссы привели к обострению дискуссии о будущей экономической роли Германии. Одни участники дискуссии критиковали ялтинские согла-

⁴⁵ Протокол о переговорах между Главами Трех Правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии. – Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов, т. IV. М., 1979, с. 278–279.

шения, считая поставки из текущей продукции более приемлемыми, другие – выражали недовольство в связи с тем, что производственный потенциал Германии был явно переоценен, что процесс послевоенного восстановления мог быть поставлен под угрозу⁴⁶. После долгих дебатов американский представитель в Межсоюзнической комиссии по репарациям Э. Поули 18 мая 1945 г. заявил, что целью репарационной политики является ослабление Германии и уничтожение ее военного потенциала. Возможные репарации никоим образом не должны обременять США, поэтому необходимо сохранить объемы производства, достаточные для поддержания минимального уровня жизни. Только когда будет достигнуто промышленное ослабление Германии и обеспечен минимально допустимый уровень ее существования, а немцы смогут сами покрывать необходимый импорт за счет экспорта своей продукции, можно будет говорить о репарациях. Этими предписаниями были де-факто отклонены планы репараций в форме изъятий с действующих предприятий; США в целом поддерживали позицию Великобритании, которая была заинтересована в основном в немецких зарубежных активах, и не придавала существенного материального значения репарациям. Тем самым конфронтация США и Великобритании с СССР была фактически предопределена, поскольку и британцы ужесточили свою позицию, в частности, из-за особых интересов Советского Союза в отношении промышленности Рурской области, расположенной на территории британской зоны оккупации Германии⁴⁷. Совместное решение вопроса репараций «большой тройкой» становилось все менее вероятным; более реалистичной представлялась перспектива удовлетворения репарационных требований союзников за счет их зон оккупации Германии. Репарационная комиссия провела всего одно официальное заседание – 21 июня 1945 г. в Москве (хотя представители ее комитетов встречались часто), однако ключевых решений принято не было. Дальнейшее развитие вопроса зависело от итогов Потсдамской конференции.

ПРОБЛЕМА РЕПАРАЦИЙ НА ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В итоговых документах Потсдамской конференции 17 июля – 2 августа 1945 г. был установлен окончательный размер репараций – 20 млрд долл. США, из них 50% в пользу СССР. Западные союзники настояли на ограничении срока демонтажа германских промышленных предприятий двумя годами, а также на порядке соответствующих изъятий из своих оккупационных зон. Таким образом, большую часть причитающихся ему репараций Советский Союз должен был вывозить из своей зоны; плюс к этому он получал германские активы в странах Центральной и Восточной Европы и в Восточной Австрии, а также 25% промышленного оборудования из западных оккупационных зон Германии, из которых 40% безвозмездно и 60% в обмен на поставки сырья и продовольствия из своей зоны. Объем подлежавшего демонтажу промышленного оборудования должен был определить индустриальный план, который следовало разработать в течение последующих шести месяцев. Притязания Польши было решено удовлетворять за счет доли репараций из советской зоны, тогда как требования малых западных государств – из оккупационных зон, подконтрольных западным державам. Торговый флот Германии переходил в равных частях к СССР, США и Великобритании; из раздела исключались лишь каботажные и речные суда в количестве, «необходимом для мирного развития»⁴⁸.

Инициатива по взиманию репараций из своих оккупационных зон исходила от США. Условия для компромисса США с СССР были неблагоприятны: силы в США,

⁴⁶ *Fisch J.* Op. cit., S. 63–64; *Mausbach W.* Op. cit.; *Nübel O.* Op. cit., S. 129–130.

⁴⁷ *Köchling M.* Op. cit., S. 36–37; *Wirtschaftspolitik im britischen Besatzungsgebiet 1945–1949.* Düsseldorf, 1984.

⁴⁸ Протокол Берлинской (Потсдамской) конференции трех великих держав. 1 августа 1945 г. – Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. VI. М., 1984, с. 434–435.

которые делали ставку на среднесрочное сотрудничество с СССР, одновременно являлись непримиримыми критиками советской репарационной политики; и наоборот, те, кто терпимо относился к изъятиям из текущего производства, выступал категорически против жестких действий Советского Союза в Восточной Европе. Британцы вообще не допускали какого-либо компромисса со Сталиным. Было очевидно, что западные державы стремились вывести Западную Германию, как и всю Западную Европу, из-под влияния СССР⁴⁹. Москва же была крайне заинтересована получить свободу действий в своей оккупационной зоне Германии и в своей сфере влияния в Восточной Европе. Таким образом, вопрос о репарациях стал краеугольным камнем в общем разделе сфер влияния в послевоенной Европе. В обмен на признание «позонового» принципа взимания репараций и отказ от советской доли в немецких активах в Западной Европе, Сталин получал американские уступки по вопросу о западных границах Польши и о принятии восточноевропейских стран в ООН, что было расценено им как победа⁵⁰. С точки зрения урегулирования репарационного вопроса, Потсдамские соглашения представляли собой очевидную победу западных держав. Им удалось отстоять свои позиции по всем ключевым пунктам. Особенно важен был принцип, согласно которому не назывались фиксированные суммы репараций, а также тот факт, что Советский Союз был исключен из любого участия в обсуждении принимаемых решений на всех неподконтрольных ему территориях. Впрочем, обратным результатом стало то, что западные державы также не имели возможности влиять на решения, принимаемые СССР в своей сфере влияния⁵¹.

ЗАВЕРШЕНИЕ СОВМЕСТНОЙ РЕПАРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОЮЗНИКОВ В ГЕРМАНИИ

По результатам Потсдамской конференции вопрос о разделении сфер влияния в области репарационной политики не был решен окончательно; союзническим державам еще предстояло взаимодействие по достижению договоренностей об уровне промышленного производства в Германии⁵². В ходе последовавших переговоров обозначились две позиции. СССР в интересах демонтажа и обеспечения безопасности настаивал на как можно более низком уровне производительности немецкой экономики. Британцы же, напротив, выступали за более высокий уровень промышленного производства, поскольку не могли себе позволить оказание значительной материальной помощи разрушенной Германии. Острые противоречия выявились по вопросу квот на производство стали, где в итоге был принят предложенный США компромисс, более близкий к позиции советской стороны⁵³.

После долгих обсуждений было достигнуто соглашение о сохранении промышленного производства в Германии на уровне 1932 г. (или 70–75% от уровня 1936 г.)⁵⁴ и установлении прожиточного минимума для немцев, соответствующего средневропейскому значению, рассчитанному без учета прожиточных минимумов Великобритании и СССР. Все промышленные мощности, превышающие эти показатели, подлежали демонтажу и передаче в счет уплаты репараций. Спорным оставался вопрос, рассматривать ли установленные квоты в качестве минимального или же максималь-

⁴⁹ *Fisch J.* Op. cit., S. 69–70.

⁵⁰ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации, т. II. М., 2000, с. 53–55.

⁵¹ *Fisch J.* Op. cit., S. 78.

⁵² *Mausbach W.* Op. cit., S. 187–188.

⁵³ *Müller G.* Die Rolle der Briten bei der Auseinandersetzung um die Stahlquote des 1. Industrieplanes vom 26. März 1946. – Wirtschaftspolitik im britischen Besatzungsgebiet 1945–1949, S. 65–86; *Филимов А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993, с. 58.

⁵⁴ *Eschenburg T.* Jahre der Besatzung: 1945–1949. Stuttgart, 1983, S. 401; *Weimer W.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998, S. 24.

ного стандарта. Советская сторона выступала за то, чтобы считать их максимальным пределом; вся производимая сверх этих норм продукция должна была идти в счет возмещения репараций. Западные державы были склонны скорее к пониманию этих норм в качестве минимального стандарта; что превышало уровень 1932 г., немцы могли, по крайней мере, в дальнейшем, оставлять себе.

Принятый 28 марта 1946 г. «План по репарациям и послевоенному состоянию германской экономики в соответствии с постановлениями Берлинской конференции» отражал существовавшие в решении этого вопроса неопределенность и противоречия. Он был экономически бессмысленным уже хотя бы потому, что исходил из статического состояния немецкой экономики, при котором объем производства каждой отдельной отрасли мог быть рассчитан вплоть до тонны. Он игнорировал еще одну очевидную проблему: несмотря на наличие высоких мощностей и достаточных ресурсов (в частности, квалифицированной рабочей силы)⁵⁵, в Германии достигался крайне незначительный уровень производства, что «противоречило всем динамическим факторам, определяющим производительность и продуктивность современного хозяйства»⁵⁶. Таким образом, план отражал скорее политическую ситуацию, а также существовавший на тот момент курс США, направленный на целенаправленное ослабление немецкой экономики.

После всех грабежей и бесконтрольной конфискации трофейного имущества в первые месяцы оккупации Германии, промышленный план марта 1946 г., несмотря на все противоречия, по крайней мере, создавал условия для проведения более последовательной политики изъятий и демонтажа в счет репарационных обязательств⁵⁷. Что касается практического исполнения демонтажа в пользу Советского Союза из западных зон оккупации, то еще осенью 1945 г. межсоюзническая оценочная комиссия проинспектировала соответствующие предприятия, оборудование которых должно было быть демонтировано, а уже 1 апреля 1946 г. хозяйственный директорат Контрольного совета утвердил список из 415 предприятий, подлежащих демонтажу в счет репараций (130 – из американской зоны, 262 – из британской, 23 – из французской). В течение нескольких месяцев демонтированное оборудование отгружалось в порту Бремена на зафрахтованные советские суда⁵⁸. Демонтаж из западных зон затронул в первую очередь химические, танковые, автомобильные, авиационные, судостроительные заводы, а также металлургические предприятия⁵⁹.

Однако вскоре при взимании репараций из западных зон СССР пришлось столкнуться с трудностями. Как выяснилось, самое ценное оборудование уже было продано или вывезено по указанию союзников, многие заводы вовсе не имели оборудования, американские и британские оккупационные власти препятствовали доступу советских сотрудников на предприятия⁶⁰. Первоначально советское руководство остро реагировало на эти сообщения, обвиняя западных союзников в срыве Потсдамских соглашений. В директивах Политбюро ЦК ВКП (б) для советской делегации на Парижской конференции совета министров иностранных дел по Германии 1946 г. говорилось, что репарации являются главным экономическим требованием СССР к Германии, что необходимо добиться отправки в счет репараций не только промышленного оборудова-

⁵⁵ Невский С.И. Экономическая политика союзников, с. 43–44; Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч., с. 33; *Abelshauser W.* Wirtschaft in Westdeutschland, 1945–1948. Rekonstruktion und Wachstumsbedingungen in der amerikanischen und britischen Zone. Stuttgart, 1975, S. 28.

⁵⁶ *Fisch J.* Op. cit., S. 95; *Seume F.* Industrie.– Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch. Berlin, 1947. S. 105–143.

⁵⁷ *Karlsch R.* Alleinbezahlt? S. 55–56; *Fäßler P., Grohnert R., Wolfrum E.* Krisenjahre und Aufbruchzeit: Alltag und Politik im französisch besetzten Baden 1945–1949. München, 1996, S. 230–231.

⁵⁸ *Kleißmann Ch.* Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Bonn, 1991, S. 102–103.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 7317, оп. 2, д. 4, л. 247.

⁶⁰ Там же, д. 5, л. 96–98.

ния, но и товаров из текущего производства, при этом пребывание советских войск на территории Германии расценивалось как гарантия уплаты репараций⁶¹.

Уже в мае 1946 г. американские оккупационные власти официально прекратили все репарационные поставки из своей зоны в пользу Франции и СССР. В качестве формального обоснования приводился довод о необходимости более конструктивного взаимодействия по выработке общих норм хозяйственного регулирования для всей Германии, которая, согласно протоколу Потсдамской конференции, в период оккупации должна была рассматриваться «как единое экономическое целое»⁶².

Можно предположить, что в действительности американцы опасались вероятно-го экономического ослабления своей зоны оккупации, что могло привести к падению уровня жизни ниже минимально допустимого предела, или же просто не желали демонтировать промышленные мощности в пользу третьих государств⁶³. Впрочем, приостановка демонтажа вовсе не означала, что США и, в частности, американская военная администрация в Германии под руководством генерала Л. Д. Клея, полностью отказались от возможности компромисса с СССР. Клей даже был готов уступить советской стороне в вопросе о поставках с действующих предприятий, только чтобы добиться своей цели – сохранения экономического единства Германии под управлением дееспособного Контрольного совета⁶⁴. Однако эти планы не нашли поддержки в Вашингтоне⁶⁵.

Франция, получившая значительный военный ущерб (главным образом в форме утраты материальных ценностей), испытывала большую потребность в «нормальных» репарациях, в том числе в виде поставок с действующих предприятий (на переговорах с союзниками она неоднократно ставила вопрос о реституциях), что предопределило более жесткую оккупационную политику французов, нередко выходившую за рамки англо-американских интересов⁶⁶. Не исключалась даже коалиция Франции с СССР по вопросу репараций из текущего производства. Что касается британцев, то к тому времени они уже давно решили отказаться от сотрудничества с СССР, в котором видели потенциально большую опасность, чем в поверженной Германии⁶⁷.

Проблема репараций вновь превратилась в поле для тактических маневров мировой политики, где у Великобритании и США имелось преимущество, поскольку они были в меньшей степени заинтересованы в материальной стороне вопроса. Различия в британской и американской позициях продемонстрировали, что «в случае западных держав речь шла не о репарациях как таковых, поскольку оба государства не были

⁶¹ Протокол № 52 решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 8 мая – 4 августа 1946 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 116–117.

⁶² Протокол Берлинской (Потсдамской) конференции трех великих держав, с. 433; Cairncross A. The price of war. British policy on German reparations, 1941–1949. Oxford, 1986, p. 155.

⁶³ Gimbel J. Amerikanische Besatzungspolitik in Deutschland 1945–1949. Frankfurt a.M., 1971, S. 87–92; Backer J. H. Op. cit., S. 96–97.

⁶⁴ Mausbach W. Op. cit., S. 245–246; Krieger W. General Lucius D. Clay und die amerikanische Deutschlandpolitik 1945–1949. Stuttgart, 1988, S. 126–127.

⁶⁵ Fisch J. Op. cit., S. 99–100.

⁶⁶ Kiersch G. Die französische Deutschlandpolitik 1945–1949. – Politische und ökonomische Stabilisierung Westdeutschlands 1945–1949. Fünf Beiträge zur Deutschlandpolitik der westlichen Alliierten. Wiesbaden, 1977; Manz M. Stagnation und Aufschwung in der französischen Besatzungszone 1945–1948. Ostfildern, 1985; Lorentz C. La France et les restitutions allemandes au lendemain de la seconde guerre mondiale (1943–1954). Paris, 1998; Некрасова Т. А. Французская оккупационная политика в Германии 1945–1949 гг.: планы и их реализация. – Вопросы истории, 2007, № 11.

⁶⁷ Pingel F. Die “Russen am Rhein”? Zur Wende der britischen Besatzungspolitik im Frühjahr 1946. – Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1982, H. 1, S. 98–116; Steininger R. Westdeutschland ein „Bollwerk gegen den Kommunismus“? Großbritannien und die deutsche Frage im Frühjahr 1946. – Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1985, Bd. 38, № 2, S. 163–207.

в них заинтересованы, а что разногласия по репарациям в форме изъятий из текущего производства самое позднее с 1946 г. приобрели значение вопроса, следует ли двигаться в направлении разграничения сфер влияния с последующим разделением Германии»⁶⁸.

В 1947 г. в связи с начавшимся расколом Германии вопрос о репарациях в межсоюзнических отношениях отошел на второй план. На Московской конференции министров иностранных дел 10 марта – 24 апреля 1947 г. стало очевидно, что готовность к компромиссам была лишь видимостью. На Лондонской сессии совета министров иностранных дел в ноябре–декабре 1947 г. конфронтация по репарационному вопросу была предопределена⁶⁹. Члены советской делегации в преддверии Лондонской сессии были проинструктированы следующим образом: «Вопрос о репарациях не выпячивать и развить советскую позицию о репарациях при обсуждении экономических проблем, а также в связи со срывом репараций в западных зонах Германии»⁷⁰.

С этого момента проведение совместной репарационной политики в Германии не представлялось возможным. Видимость межсоюзнического взаимодействия по этому вопросу окончательно исчезла. Репарационная политика стала исключительно делом оккупационных властей в их собственных зонах. С 1948 г., ввиду уже открытого противостояния между западными союзниками и СССР, вывоз в Советский Союз репарационных грузов из западных зон прекратился. 8 сентября 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение отклонить требования западных оккупационных властей о возобновлении встречных репарационных поставок из советской оккупационной зоны на запад и обратно, сославшись на прекращение поставок репарационного оборудования из Западной Германии в СССР. Советским представителям в межсоюзных органах управления Германией запрещалось впредь настаивать на возобновлении таких поставок⁷¹. Вся тяжесть уплаты репараций Советскому Союзу ложилась исключительно на Восточную Германию.

Зародившийся после Первой мировой войны институт репараций изначально вызывал как серьезные разногласия среди победителей, так и возражения побежденных. Желание по возможности полностью возместить причиненный войной материальный ущерб наталкивалось на проблему платежеспособности бывшего агрессора, наличия у него средств в иностранной валюте и других ликвидных активов. Взимание репараций в виде поставок готовой продукции могло навредить экономике стран-победительниц, вызвать товарный дефицит и разгон инфляции в стране-плательщице репараций.

Неудачный опыт репараций в межвоенный период и крах Версальской системы заставили США и Великобританию пересмотреть свое отношение к репарационной проблеме в годы Второй мировой войны, задуматься о снижении размеров компенсаций с учетом платежеспособности Германии, тщательно продумывать способы контроля за взиманием репараций. Великобритания настаивала на максимальном сокращении репарационных выплат (до 4–6 млрд долл. США) и переводе их из денежного в натуральный формат.

США в целом соглашались с необходимостью взыскания репараций с Германии в большем объеме и преимущественно в форме демонтажа и поставок готовой продукции. США увязывали репарационный вопрос с более общим – об экономическом будущем Германии. Необходимо было не только ослабить Германию как военного противника и компенсировать нанесенный ей ущерб, но и подготовить почву для после-

⁶⁸ *Fisch J.* Op. cit., S. 103.

⁶⁹ *Филитов А. М.* Указ. соч., с. 82.

⁷⁰ Протокол № 60 решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 21 ноября – 4 декабря 1947 г. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 39, л. 1–5.

⁷¹ Протокол № 71 решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 26 августа – 8 декабря 1949 г. – Там же, д. 41, л. 3.

дующего экономического возрождения Германии в контексте реконструкции всей Западной Европы. Такая позиция, в конечном итоге, должна была привести к отмене или ослаблению репараций, а значит, к столкновению с советскими интересами.

Советский Союз, который в 1920–1930-е годы наблюдал за репарационной проблемой со стороны, извлек уроки из сложившейся ситуации: после Второй мировой войны побежденные немцы, как и в 1920-е годы, могли бы пойти на сговор с западными державами по вопросу о сокращении платежей, начать саботировать выплату репараций. Поэтому СССР, понесший наибольший ущерб от Второй мировой войны, с самого начала настаивал на максимально возможном размере возмещения и, прежде всего, в материальной форме: демонтаж промышленного оборудования, поставки готовой продукции, использование немецкой рабочей силы.

Различные подходы СССР и его западных союзников к проблеме репараций проявились в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций. Вопросы репараций вызвали на них бурную дискуссию среди союзников; принятые на них решения, хоть и были компромиссными по формулировкам, больше устраивали западные державы, незаинтересованные ни в высоких размерах репараций, ни в поставках из текущего производства. Это предопределило в конечном итоге переход к «позоновому» принципу взимания репараций, предложенному американцами, что дало возможность СССР наверстать упущенное в западных частях Германии за счет советской зоны оккупации Германии.

Реализация союзной репарационной политики после Потсдамской конференции натолкнулась на серьезные трудности: во-первых, принятый в 1946 г. промышленный план для Германии не учитывал реального состояния немецкой экономики и степени ее интеграции в общеевропейское и мировое хозяйство; во-вторых, британские и американские власти в условиях послевоенного экономического кризиса стремились максимально ослабить и по возможности вообще остановить демонтаж оборудования из своих зон в пользу СССР (а также Франции).

В 1947 г., когда стало очевидно, что реализация советских требований по демонтажу угрожает возрождению экономики Бизонии, англичане и американцы сделали сознательный выбор в пользу прекращения репараций, что означало и разрыв дальнейшего сотрудничества с СССР по решению экономических аспектов германского вопроса. С этого момента единая экономическая политика в отношении Германии (репарационная политика была одной из важнейших ее составных частей) перестала осуществляться. Процесс полного хозяйственного и политического обособления Западной и Восточной частей Германии стал необратимым.